

леблется это учение, то совершенно неосновательно утверждать, что люди могутъ руководиться только своею классовою выгodoю и неспособны къ нравственному самоопределению, и спорить съ Толстымъ, что у крестьянъ нѣтъ другого выхода изъ ихъ тяжелаго положенія, кроме того, чтобы заниматься на работы къ помѣщикамъ, т. е., стать пролетаріями (см. стр. 166 и 167 статьи г-на Поссе).

Г-нъ Поссе называетъ обращеніе Толстого оскорблениемъ рабочаго народа. Но почему? Потому что Толстой слишкомъ многаго требуетъ отъ рабочихъ. Толстой, живя въ условіяхъ первого класса, не можетъ понять истинныхъ нуждъ народныхъ, и потому предлагаетъ народу такія средства освобожденія, которыя являются издѣвателствомъ надъ несчастными. Замѣчательная логика! Какое мнѣніе является болѣе оскорбительнымъ для народа? то ли, что рабочие не въ силахъ понимать ничего, что выходитъ за предѣлы ихъ выгоды, и что потому рабочие, стремясь къ своей выгode, между прочимъ, осуществлять и общее равенство и свободу? или обратно, то, что рабочие могутъ стремиться къ общей свободѣ, даже жертвуя ей своею выгodoю и только кстати, гдѣ можно, улучшая свое положеніе? Какое даже изъ этихъ двухъ разсужденій болѣе доказательно въ смыслѣ возможности осуществленія соціализма? Г-нъ Поссе увлекается идею общей стачки. Но, вѣдь, совершенно противно всему тому, о чёмъ повѣствуетъ намъ исторія, предполагать, что всеобщая стачка въ нѣсколько дней решитъ всѣ вопросы, которые волнуютъ человѣчество чуть ли не съ колыбели. Скорѣе же это будетъ борьба, котройя протянется, можетъ быть, нѣсколько столѣтій, это будетъ не всеобщая стачка, а рядъ всеобщихъ стачекъ, перемежающейся рядомъ всеобщаго подъема духа и унынія, временныхъ побѣдъ и длительныхъ пораженій. И развѣ не ясно, что исходъ такой борьбы можетъ быть успѣшнѣй не